

РИЧАРД БАХ

ИЛЛЮЗИИ

Приключения одного мессии, который
мессией быть не хотел

СОФИА

Ричард Бах

Иллюзии

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39848888

Иллюзии: София; 2014
ISBN 978-5-399-00633-8

Аннотация

«Иллюзии»... Самая пленительная, самая щемящая, самая глубокая и тонкая из книг Ричарда Баха.

Взлетим же на старых бипланах над зелеными полями Америки вместе с автором и Дональдом Шимодой – мессией поневоле... И поверьте, очень скоро вы поймете, что книга эта попала к вам в руки не случайно.

Содержание

Предисловие автора	6
1	8
2	14
3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ричард Бах

Иллюзии

Illusions by Richard Bach

Copyright © 1977 by Richard Bach and Leslie Parrish-Bach

© ООО Издательство «София», 2014

* * *

С любовью ты ждешь меня в ожидании
иногда, когда ты слышишь меня. Ты,
счастливый, как я, слышишь меня в ожидании
иногда.

Предисловие автора

Вот вопрос, который я не раз слышал после того, как была опубликована «Чайка Джонатан Ливингстон»: «Что собираешься писать дальше, Ричард? После Джонатана – что?»

Я отвечал тогда, что ничего больше писать не собираюсь, ни единого слова, и что мои книги, вместе взятые, уже сказали все, о чем я просил их сказать. После всяческих лишений, после жизни впроголодь и даже вынужденной продажи автомобиля я был рад, что не должен больше работать каждый день до полуночи.

Но каждое лето, или почти каждое, выбираясь на своем стареньком биплане в зеленотравные моря Среднего Запада и катая пассажиров, три доллара за рейс, я начал снова ощущать прежнее напряжение. Видно, осталось что-то, о чем я должен был сказать – и не сказал.

Мне вовсе не нравится писать. Если я могу повернуться спиной к идее, которая притаилась в темноте, если я могу избежать этого и не открыть ей дверь, я даже не потянусь к перу.

Но однажды вдруг раздается взрыв, и летит стекло, кирпич, куски штукатурки, и кто-то или что-то осторожно подкрадывается по осколкам, хватая меня за горло и тихо говорит: «Не выпущу тебя, пока не выскажешь меня словами на бумаге». Вот как я повстречался с «Иллюзиями».

Даже там, на Среднем Западе, когда я, бывало, лежал на спине и учился разгонять облака, я не мог прогнать эту историю из своего ума... Что, если бы пришел кто-то, кто действительно годится для этого, и смог бы объяснить мне, как работает мой мир и как им управлять? Что, если бы я встретил кого-то сверхпродвинутого?.. Что, если бы Сиддхартха или Иисус пришел в наше время, вооруженный властью над иллюзиями мира – ведь он знал бы реальность за этими иллюзиями? И что, если бы я лично встретился с ним? Хорошо бы, чтобы он тоже летал на биплане и приземлился на том же самом поле, что и я? Что бы он сказал, как бы он выглядел?

Быть может, он не был бы похож на мессию из моего дневника, испачканного машинным маслом и в пятнах зелени от травы, быть может, он не сказал бы ничего такого, о чем говорит эта книга. Но и тогда он сказал бы мне: *мы притягиваем в свою жизнь все то, о чем думаем*. Но если это правда, то так или иначе я привел себя к этому моменту по какой-то причине – и вы также.

Не случайно, наверное, вы держите эту книгу: возможно, есть что-то в этих приключениях, чтобы вы попали сюда и запомнили. Я выбираю думать именно так. И я предпочитаю думать, что мой мессия вознесся в какое-то другое измерение и я его вовсе не выдумал. Наблюдает за нами обоими и смеется от удовольствия, что все случилось так, как было задумано.

1

1. Жил-был Учитель, который пришел на Землю, родившись в святой земле Индиана, и вырос среди таинственных холмов к востоку от Форт-Уэйна.

2. Учитель учился этому миру в здешних местах, в обычной школе штата Индиана, а когда вырос – у своей профессии автомеханика.

3. Но у Учителя были и другие знания, полученные из других школ, из других стран и из других жизней, которые он прожил. Он помнил их, и эта память делала его мудрым и сильным, так что другие увидели силу его и пришли к нему за советом.

4. Учитель верил, что у него есть сила помочь себе и всему человечеству, и было ему по вере его, так что и другие увидели его силу и пришли к нему, чтобы он избавил их от бед и исцелил от всяческих болезней.

5. Учитель верил, что для любого человека полезно думать о себе, что он сын Бога, и как он верил, так оно и было, и в мастерских, где он работал, появлялись толпы тех, кто искал его учения и хотел коснуться его, а улицы были запружены теми, кто жаждал лишь одного: чтобы на них упала его тень, когда он пройдет мимо них и изменит их жизнь.

6. Но закончилось это тем, что из-за этих толп управляющие мастерскими, где он работал, попросили Учителя оста-

вить работу и идти своей дорогой, ибо так тесно обступала его толпа, что ни у него, ни у других механиков не было места, чтобы чинить автомобили.

7. И случилось так, что он ушел за пределы города, и люди, следовавшие за ним, стали называть его Мессией и чудотворцем, и как они верили, так оно и было.

8. Если, когда он говорил, проносилась гроза, то ни единой капли не падало на головы слушающих его. Те, кто стоял далеко от него в этой огромной толпе, слышали его слова так же ясно, как и те, кто был рядом с ним, – не важно, гремели при этом гром или сверкала молния. И всегда он говорил с ними притчами.

9. И говорил он им: *В каждом из нас заложена сила нашего согласия на здоровье и болезнь, на богатство и бедность, на свободу и рабство. Это мы управляем той великой силой, и никто другой.*

10. Тут заговорил мельник, и сказал он: «Легко Тебе говорить, Учитель, ибо Тобой руководят свыше, а нами – нет, и Тебе не нужно так тяжело трудиться, как трудимся мы. Человеку приходится работать, чтобы жить в этом мире».

11. Учитель, отвечая им, сказал: *Когда-то жили-были существа в одной деревне на дне большой прозрачной реки.*

12. *Река безмолвно протекала над ними – над молодыми и старыми, богатыми и бедными, добрыми и злыми. Текла своим собственным путем, зная лишь свое собственное хрустальное «Я».*

13. Все существа, каждый по-своему, крепко цеплялись за стебли и камни на дне реки, ибо цепляться было их образом жизни, а сопротивление течению – тем, чему каждый учился с рождения.

14. Но одно существо сказало наконец: «Мне надоело цепляться. Хотя я не могу этого видеть, но я верю, что поток знает, куда течет. Я оттолкнусь от дна, и пусть он несет меня, куда захочет. Продолжая цепляться, я умру от скуки».

15. Другие существа засмеялись и сказали: «Глупец, отцепишься – и поток, которому ты поклоняешься, швырнет тебя о камни и разобьет вдребезги, и ты умрешь скорее, чем от скуки!»

16. Но он не обратил на их слова внимания и, собравшись с духом, перестал держаться – и сразу же его закрутило течение и швырнуло о камни.

17. Однако он не захотел цепляться снова, и поток высоко поднял его, свободного, со дна, и больше он уже не получал синяков и ушибов.

18. А существа на дне, для которых он уже был чужим, кричали: «Смотрите, он летает, хотя подобен нам! Свершилось чудо! Смотрите, Мессия пришел спасти нас всех!»

19. А он, несясь в потоке, сказал: «Я не более Мессия, чем вы. Река с восторгом принимает нас, свободных, если только мы осмеливаемся довериться ей. Наша истинная работа – в этом путешествии, в этом приключении!»

20. Но они еще громче кричали: «Спаситель!» – и все так же цеплялись за камни и ветки, и когда они снова взглянули вверх, его уже не было, и они остались одни создавать легенды о Спасителе.

21. И закончилось тем, что с каждым днем все больше и больше людей толпились вокруг него, и все ближе, все плотнее, все настойчивей. И он увидел, что они вынуждают исцелять их, не давая отдыха, и кормить их постоянно чудесами, учиться за них и жить их жизнью. И тогда он ушел на вершину горы и там молился.

22. И сказал он в сердце своем: «Бесконечное Лучезарное Сущее! Если будет на то Воля Твоя, да минует меня чаша сия, да избавишь Ты меня от этой невыносимой задачи. Я не могу жить жизнью ни одной другой души, однако десятки тысяч молят меня о том. Прости меня, что я позволил всему этому случиться. Если будет на то воля Твоя, дай мне вернуться к моим моторам и инструментам и жить, как живут другие!»

23. И голос на холме заговорил с ним – голос, который не был ни мужским, ни женским, ни громким, ни тихим, – голос, который был бесконечно добр. И сказал ему Голос: «Не Моя воля, но Твоя да свершится. Ибо то, что есть Твоя воля, это и Моя воля для Тебя. Иди своим путем, как и все другие люди, и да будешь Ты счастлив на земле».

24. И услышав это, Учитель обрадовался и возблагодарил, и сошел вниз с горы, напевая песенку механика. И когда тол-

па приступила к нему со своими горестями, умоляя исцелить их, озарить их тут же своей мудростью и развлечь их чудесами, он улыбнулся народу и сказал вежливо: «Я ухожу».

25. На мгновение толпа онемела от изумления.

26. И спросил он у них: «Если человек сказал Богу, что он больше всего на свете хочет помогать страждущему миру, любой ценой, и Бог ответил, и сказал ему, что он должен делать, следует ли человеку делать так, как ему сказано?»

27. «Конечно, Учитель! – закричали они. – Для него должно быть радостью испытывать даже муки ада, если Бог просит этого!»

28. «Не важно, каковы эти муки и насколько сложна задача?»

29. «Честь быть повешенным или быть распятым на дереве и сожженным, если это то, о чем попросил Господь!» – сказали они.

30. «А что бы вы сделали, – сказал Учитель, – если бы Бог заговорил с каждым из вас и прямо сказал вам: «Я повелеваю, чтобы ты был счастлив в мире, пока ты жив!» Что бы вы сделали тогда?»

31. И молчала толпа, и ни голоса, ни звука не было слышно в холмах и долине, где они стояли.

32. И сказал тогда Учитель в тишине: «На тропе нашего счастья найдем мы знание, ради которого мы избрали эту жизнь. Вот что я узнал в этот день, и я выбираю покинуть вас, и теперь вы пойдете своим собственным путем, какой

вам нравится».

33. И он ушел своей дорогой сквозь толпу и оставил их, и вернулся к повседневному миру людей и машин.

2

Была середина лета, когда случай свел меня с Дональдом Шимодой. За четыре года полетов мне ни разу не встретился ни один пилот, который делал бы то же самое, что и я: летал вместе с ветром с места на место на стареньком биплане и катал народ – три доллара за десять минут полета. Но однажды, пролетая к северу от Ферриса, штат Иллинойс, яглянул вниз из открытой кабины своего Флита, и, поверите ли, он был там, старый *Тревл Эйр-4000*, весь белый-и-золотой на изумрудно-лимонном огороженном поле.

Мне нравится моя свободная жизнь, но иногда бывает и одиноко. Я увидел биплан внизу, несколько минут подумал и решил, что не будет ничего плохого, если я ненадолго к нему присоединюсь. Убрав газ до малых оборотов, руль высоты до отказа вниз, мы – *Флит* и я – в широком развороте стали снижаться. Негромко и ласково, словно ветер в качающихся проводах, затянул мотор свое медленное «пок-пок», замедляя вращение пропеллера. Я сдвинул защитные очки на лоб, чтобы лучше видеть, куда садиться. Зеленые джунгли кукурузы со свистом пронеслись подо мной, мелькнул забор, а затем, насколько я мог видеть, недавно скошенное поле. Я выровнялся, затем тихо зашуршала земля под колесами – медленнее, медленнее, наконец быстрые выхлопы двигателя, и *Флит* остановился рядом с другим самолетом. Я

выключил зажигание. Послышалось тихое «кляк-кляк», пропеллер замер, и наступила тишина июльского дня.

Пилот *Тревл Эйра* сидел в траве, прислонясь к левому колесу своего самолета, и наблюдал за мной. С полминуты я тоже молчал, дивясь тайне его спокойствия. Я бы лично не был бы таким невозмутимым и не сидел бы так, наблюдая, как рядом со мной приземляется другой самолет, всего в десяти ярдах. Я кивнул ему. Он мне понравился, сам не знаю почему.

– Ты выглядишь одиноким, – сказал я ему издали.

– Ты тоже.

– Не хочу мешать тебе. Если меня слишком много, полечу дальше.

– Нет, я ждал тебя.

Я улыбнулся на это:

– Прости, что опоздал.

– Ничего.

Я стянул шлем и очки, вылез из кабины и спрыгнул на землю. После пары-другой часов в кабине моего *Флита* это всегда приятно.

– Надеюсь, ты не откажешься от ветчины и сыра, – сказал он, – хлеб с ветчиной и сыром, а может, и с муравьем.

Никаких рукопожатий, никаких церемоний знакомства.

Он не выглядел слишком крепким. Волосы до плеч, чернее, чем резина на колесе, к которому он прислонился. Глаза темные, как у ястреба. Хорошо, когда такие глаза у друга,

но у любого другого они заставили бы вас чувствовать себя очень неудобно. Он вполне мог бы быть мастером каратэ, собирающимся продемонстрировать свое жестокое и бесшумное искусство.

Я взял у него сэндвич и стаканчик с водой из термоса.

– Все-таки – ты кто? – спросил я. – За годы, что я катаю фермеров на самолете, я ни разу не видел ни одного такого же бродяги, как я.

– Да я ни на что другое и не гожусь, – сказал он вполне беззаботно. – Немножко механик, сварщик, чуть халтурил с гусеничными тракторами. Задерживаясь на одном месте больше, чем нужно, я попадаю в переделки. Так что отремонтировал старый самолет и – бродяжничаю.

– А в каких моделях тракторов ты разбираешься? – Я с детства бредил дизельными тракторами.

– Д-8, Д-9. Да это было совсем недолго, в Огайо.

– Д-девятые! Такие большие, с дом! С двойным приводом! Это правда, что они могут спихнуть целую гору?

– Есть гораздо лучший способ двигать горы, – сказал он с улыбкой, которая длилась разве что долю секунды.

С минуту я изучал его, прислонясь к нижнему крылу его самолета. Игра света... На него трудно было смотреть вблизи. Как если бы он был окружен серебристым сиянием, создающим слабый светящийся фон.

– Что-нибудь не так? – спросил он.

– В какие такие переделки ты попадал?

– О, ничего особенного. Просто сейчас мне нравится все время менять места. Как и тебе.

Я взял свой сандвич и обошел самолет кругом. Это была машина выпуска 1928 или 1929 года, несколько не поцарапанная. Заводы не выпускают таких новеньких самолетов и не ставят их на стоянку в поле. По меньшей мере двадцать слоев авиалака сияли как зеркало на полированных вручную деревянных деталях машины. Под кабиной золотыми буквами старинным английским шрифтом написано: «Дон», а на регистрационной карте значилось: «Д. У. Шимода». Приборы новехонькие, как только что из упаковки, настоящие авиационные приборы образца 1928 года. Дубовая полированная приборная доска и ручка управления, регулятор смеси и опережения зажигания слева. Теперь уже нигде не встретишь опережение зажигания, даже в самых лучших реставрированных самолетах. И нигде ни царапины, ни пятнышка на перкалевой обшивке, ни одного подтека масла на фюзеляже. Ни единой соломинки на полу кабины, как будто его машина никогда не летала. Словно она просто материализовалась на этом самом месте сквозь какую-то дыру во времени протяженностью полвека. Я почувствовал, как от всего этого у меня по спине забегали мурашки.

– И давно ты уже катаешь фермеров? – спросил я у него, глядя на самолет.

– С месяц, может, недель пять.

Он лгал. Пять недель полетов над полями – и кто бы вы

ни были, на вашем самолете появятся и грязь, и солома на полу кабины. Хоть что-нибудь да будет. Но эта машина... Ни капли масла на ветровом стекле, ни пятнышка от травы на несущих плоскостях, ни расплющенных на пропеллере насекомых. Летом в Иллинойсе это невозможно ни для какого самолета. Я изучал *Тревл Эйр* еще минут пять, а потом вернулся и сел на траву под крылом лицом к пилоту. Мне не было страшно. Мне все еще нравился этот парень, но только что-то здесь было явно не так.

– Почему ты не скажешь мне правду?

– Я сказал тебе правду, Ричард, – сказал он. Мое имя тоже нарисовано на моем самолете.

– Слушай, человек не может катать пассажиров на своем самолете целый месяц без того, чтобы не замаслить его или хотя бы, друг мой, не запачкать хоть что-нибудь. Хоть одно пятнышко на обшивке, а? Господи, ну хоть травинка на полу?

Он спокойно улыбнулся мне:

– Есть вещи, о которых ты еще не знаешь.

В этот момент он был чужаком, пришельцем с другой планеты. Я поверил тому, о чем он говорил, но у меня не было никакого объяснения для пребывания этой ювелирной вещицы посреди летного поля.

– Это правда. Но когда-нибудь я их узнаю. Все узнаю. И тогда ты сможешь забрать себе мой самолет, Дональд, – чтобы летать, он мне уже не понадобится.

Он посмотрел на меня с интересом, его черные брови поднялись.

– Да ну? Расскажи мне.

Я был в восторге! Кто-то хочет услышать мои теории!

– Долгое время люди не умели летать. Думаю, это происходило просто оттого, что они считали это невозможным, поэтому, конечно, и не научились первому закону аэродинамики. Мне хочется верить, что где-то существует другой закон: вам не нужны самолеты, чтобы летать... или добираться до других планет. Мы можем научиться делать все это и без машин. *Если захотим.*

Он улыбнулся едва заметно и серьезно кивнул:

– И ты думаешь, что научишься всему этому, если будешь катать пассажиров над полями по три доллара за рейс?

– Единственное знание, которое имеет для меня смысл, это то, которое получаешь самостоятельно, делая то, что хочешь. Нет и не может быть на земле ни одной души, которая могла бы научить меня большему, чем мой самолет и небо. И если бы такой человек был, я бы тут же направился разыскивать его. Или ее.

Темные глаза спокойно смотрели на меня.

– А тебе не приходило в голову, что тебя на самом деле кто-то ведет, раз ты хочешь всему этому научиться?

– Да, меня ведут. А кого – нет? Я всегда чувствовал, что за мной наблюдают или что-то в этом роде.

– И ты думаешь, тебя приведут к учителю, который тебе

поможет?

– Если не случится так, что этим учителем окажусь я сам, – тогда да.

– Может, так и случится, – сказал он.

* * *

Современный новый пикап, подняв облако пыли, неслышно подъехал к нам по дороге и остановился у поля. Дверца открылась, и оттуда вышли старик и девочка лет десяти. Было так безветренно, что пыль осталась висеть в воздухе.

– Это вы тут катаете? – спросил старик.

Поле нашел Дональд Шимода, и я промолчал.

– Да, сэр, – сказал он весело. – Сегодня неплохо полетать, правда? Хотите?

– А если бы захотел, вы не станете выкидывать номера, делать всякие там петли-кувырки? – глаза старика озорно блеснули, пока он разглядывал нас, чтобы увидеть, принимаем ли мы его за простака-деревенщину.

– Захотите – будем, не захотите – не будем.

– Так вы, наверное, дерете за это чертову уйму денег?

– Три доллара наличными, сэр, за десятиминутный рейс. Это значит тридцать три и треть цента в минуту. Многие, кто рискнул, говорят, что дело того стоит.

У меня было странное чувство стороннего наблюдателя, который болтается тут и слушает, как другой нахваливает

свой товар. Мне понравилось, что он сказал все так спокойно, не повышая голоса. Я настолько привык к своей собственной рекламе (*Парни, гарантирую вам наверху температуру на десять градусов ниже! Отправимся туда, где летают только птицы и ангелы! И все это за три доллара, мизерная часть содержимого вашего кошелька или кармана!*), что и забыл о возможности делать это как-то иначе.

Это напряженная работа – летать и катать пассажиров в одиночку. Я привык к этому, но тут было и другое: если у меня не будет пассажиров, мне нечего будет есть. Сейчас, когда мой обед достался мне даром, я мог позволить себе побездельничать, слегка расслабился и просто наблюдал.

Девочка стояла в стороне и тоже наблюдала. Белокурая, с карими глазами, с серьезным лицом, она была здесь только из-за дедушки. Она не хотела летать.

Чаще бывает как раз наоборот: жаждущие летать дети и осторожные взрослые; когда вы зарабатываете себе на жизнь, у вас вырабатывается чутье на такие дела, – и я точно знал, что девочка не полетит с нами, сиди мы тут хоть целое лето.

– Так кто из вас, джентльмены? – спросил старик.

Шимода налил себе в кружку воды.

– Ричард полетит с вами. У меня еще обед. Разве что вы готовы подождать.

– Нет, сэр, я готов прямо сейчас. Мы можем пролететь над моей фермой?

– Конечно, – сказал я. – Только покажите, куда лететь, сэр.

Я выгрузил из передней кабины *Флита* спальный мешок, ящик с инструментами и котелки, помог старику забраться на пассажирское кресло и пристегнул его ремнями. Затем я скользнул на заднее сиденье и застегнул собственный ремень.

– Крутни пропеллер, Дон, хорошо?

– Давай. – Держа кружку с водой, он встал у пропеллера. – Как надо?

– Зажигание, и хватит. Поверни легонько. От толчка он сразу вырвется из руки.

Обычно, когда кто-нибудь прокручивал пропеллер *Флита*, он делал это слишком быстро, и по тем или иным непонятным причинам мотор не заводился. Но этот человек провернул его так плавно, словно только этим и занимался всю жизнь. Щелкнула пружинка стартера, искра проскочила в цилиндры, и старый мотор заработал совсем легко. Дональд вернулся к своему аэроплану, сел и заговорил с девочкой.

В реве мотора и вихре летящей соломы *Флит* вскарабкался в воздух на сто футов (если сейчас мотор заглохнет, мы сядем в кукурузу), пять сотен футов (теперь мы можем повернуть и сесть на выгоне – к западу тут выгон для коров), восемьсот футов. Я выравниваюсь и следую туда, куда указывает палец старика, навстречу юго-восточному ветру.

Три минуты полета, и мы делаем круг над фермерским хозяйством – сараями цвета раскаленного угля, над домом, словно выточенным из слоновой кости, и морем мяты. По-

зади дома огород – сахарная кукуруза, салат и помидоры.

Когда мы кружили над фермой, старик на переднем сиденье смотрел вниз, в пространство между крыльями и расчалками *Флита*. На крылечке под нами появилась женщина в белом переднике поверх синего платья и помахала нам. Старик помахал ей в ответ. Позднее они будут говорить, как им хорошо было видно друг друга, несмотря на высоту. Наконец он обернулся ко мне и покивал, показывая, что довольно, спасибо, мы можем возвращаться.

Я сделал широкий круг над городком Феррис, чтобы оповестить жителей о наших воздушных прогулках, и стал снижаться по спирали, показывая, где это происходит. Когда я пошел на посадку, делая крутой вираж над полем, *Тревл Эйр* взмыл с земли и сразу же повернул в сторону фермы, над которой мы только что летали.

Когда-то я летал в составе пятерки, и на мгновение у меня возникло то же ощущение... один самолет взлетает с пассажирами, другой приземляется. Мы коснулись земли с небольшим сотрясением и откатились до дальнего края поля, ближе к дороге. Мотор заглох. Старик отстегнул ремень, и я помог ему выбраться. Он достал из комбинезона бумажник и, качая головой, отсчитал долларовые бумажки.

– Вот это прогулка, сынок.

– А как же иначе. Мы предлагаем товар высшего сорта.

– Это все твой друг. Вот уж кто умеет предложить свой товар.

– Почему он?

– Вот что я тебе скажу. Твой друг продал бы золу самому дьяволу. Держу пари, разве не так?

– С чего вы это взяли?

– Из-за девочки, почему же еще. Чтобы моя внучка Сара полетела на самолете! – Он не спускал глаз с *Трэвл Эйра*, кружащего над фермой в голубовато-серебристой дымке. Он говорил как человек, обнаруживший у себя в саду засохшую березу, которая вдруг расцвела и покрылась румяными спелыми яблоками.

– С самого рождения эта девочка до смерти боялась высоты. Вопит. Просто в ужас приходит. Она бы скорее голой рукой схватила шершня, чем влезла на дерево. Не поднялась бы по лестнице на чердак, даже если бы началось наводнение. Девочка чудо как хорошо управляет с машинами, да и с животными неплохо ладит, но высота – она ее боится как чумы! И вот посмотрите-ка – она летит!

Он говорил о нынешних и добрых старых временах, припомнил, как много лет назад такие же вот бродяги-авиаторы, бывало, появлялись у Гейлсбурга и Монмаута на таких же, как у нас, самолетиках – у них тоже было по два крыла, – только те выделявали с ними черт знает что.

Я смотрел, как далекий *Трэвл Эйр* становится все больше, как он снижается над полем по более крутой спирали, чем это сделал бы я, будь у меня на борту девочка, которая боится высоты... Как он скользнул над кукурузным полем, огра-

дой, коснулся скошенной травы и приземлился на три точки так, что дух захватило. Дональд Шимода, должно быть, уже немало налетал, если уж он мог *так* посадить *Тревл Эйр*.

Самолет подкатил и остановился возле нас, для этого не пришлось делать никаких лишних усилий – пропеллер тихонько звякнул и остановился. И ни одной мертвой мошки на восьмифутовой лопасти.

Я вскочил, чтобы помочь, отстегнул у девочки ремень, открыл для нее дверцу передней кабины и показал, куда поставить ногу, чтобы не повредить обшивку крыла.

– Как тебе понравилось?

Она даже не слышала, что я ей сказал.

– Деда! Я не боюсь! Мне было не страшно, честно! Дом был как игрушечный, и мамочка помахала мне, а Дон сказал, что я боялась просто потому, что однажды упала с высоты и умерла, и что больше я не должна бояться! Я буду летчиком, деда! У меня будет самолет, и я сама буду чинить его, и везде летать, и катать людей на своем самолете! Можно?

Шимода улыбнулся старику и пожал плечами.

– Это он сказал тебе, что ты будешь летчиком, да, Сара?

– Нет, я сама. Ведь я уже хорошо разбираюсь в моторах, ты же знаешь!

– Ладно, поговоришь об этом со своей матерью. Нам пора домой.

Эти двое поблагодарили нас, и один пошел, а другая вприпрыжку побежала к своему грузовичку, оба изменившиеся

от того, что случилось с ними на поле и в небе.

Появились еще два автомобиля, потом еще один, и весь день у нас было полно людей, которые хотели увидеть Феррис с высоты птичьего полета.

Мы сделали двенадцать или тринадцать рейсов, при этом торопились, как только могли, потом я помчался в город за горючим для *Флита*. Потом было еще несколько пассажиров, и еще, и настал вечер, а мы без остановки взлетали и садились до самого заката.

Где-то на дорожном указателе я прочитал: *население 220*, и к тому времени, как стемнело, я стал думать, что мы прокатили их всех, может, еще нескольких и из пригорода. В спешке я забыл спросить Дона о Саре и о том, что он ей сказал, придумал ли какую-то историю – или то, что он думал о смерти, было правдой. И краем глаза, пока пассажиры рассаживались, я внимательно наблюдал за его самолетом.

Нигде ни пятнышка – он явно умудрялся в полете уклоняться от насекомых, которых после часа-другого лёта мне приходилось счищать с ветрового стекла.

Небо уже почти потемнело, когда мы закончили. К моменту, когда я набил сухими кукурузными стеблями свою жестяную печку, положил сверху угольные брикеты и разжег огонь, стало совсем темно, и огонь бросал яркие блики на самолеты, стоящие рядом, и на золотые стебли соломы вокруг нас. Я заглянул в ящик с продуктами.

– Суп, тушенку или спагетти? – спросил я. – Может, гру-

ши или персики? Хочешь горячих персиков?

– Все равно, – сказал он мягко, – что-нибудь или ничего.

– Парень, ты что, не голоден? Это был трудный денек!

– Ты не предлагаешь ничего такого, ради чего стоило проголодаться, разве только это будет хорошая тушенка.

Я открыл банки тушенки своим швейцарским офицерским ножом, проделал то же самое с банкой спагетти и поставил обе банки на огонь. Карманы мои были набиты деньгами. Для меня это был один из наиболее приятных моментов дня. Я вытащил бумажки и пересчитал их, нимало не забываясь о том, чтобы расправить их или сложить. Вышло 147 долларов, и я стал считать в уме, что дается мне с немалым трудом.

– Постой... постой... дай-ка подумать, четыре и два в уме... сорок девять рейсов сегодня. Дон, я побил тот рекорд, когда у меня был стодолларовый день, – только я да *Флит*! А ты должен был побить и двухсотдолларовый, ведь ты в основном берешь двух за раз¹?

– В основном... – повторил он.

– Кстати, о том учителе, которого ты ищешь... – немного погодя начал Дон.

– Не ищу я никакого учителя, – сказал я. – Я деньги считаю. Я могу неделю прожить на это. Целую неделю я могу ни фига не делать! Пусть хоть дождь зарядит, мне не страшно!

---

¹ В отличие от *Флита*, *Тревл Эйр* – трехместный самолет, так как его передняя кабина рассчитана на двух пассажиров.

Он улыбнулся, глядя на меня.

– Когда ты наконец накупаешься в деньгах, не будешь ли ты так добр передать мне тушенку?

3

Бесконечная толпа людей, людские потоки, устремленные к одному-единственному человеку в самом центре этого скопища. Затем людской поток превращается в океан, готовый вот-вот поглотить этого человека, но он не тонет, он идет по океану, прямо по его поверхности, насвистывая. И исчезает. Водный океан превратился в травяной. Белый-и-золотой *Тревл Эйр* приземлился на эту траву, из кабины выбрался пилот с матерчатым транспарантом: ЛЕТИТЕ – 3 \$ – ЛЕТИТЕ.

Было три часа утра, когда я проснулся от этого сна, помня его весь, и по какой-то непонятной причине почувствовал себя счастливым. Я открыл глаза и при свете луны увидел, что большой *Тревл Эйр* стоит рядом с моим *Флитом*. Шимода сидел на своем свернутом спальнике, опершись о левое колесо своего самолета, – точно так, как и когда я впервые его увидел. Нельзя сказать, что я его видел ясно, просто знал, что он там.

– Привет, Ричард, – тихонько позвал он из темноты. – Это тебе прояснило, что происходит?

– Что прояснило? – сказал я, плохо соображая спросонок, все еще вспоминая сон и, кажется, ничуть не удивляясь тому, что он не спит.

– Твой сон. Тот парень, толпа и самолет, – терпеливо проговорил он. – Тебе было любопытно узнать насчет меня – те-

перь ты знаешь, правда? Это было в новостях: «Дональд Шимода, которого прозвали Механик-Мессия, Американский Аватар, исчез однажды на глазах у двадцати пяти тысяч свидетелей».

Это я помнил, читал на газетном стенде в каком-то городишке в Огайо, но только потому, что это было напечатано на первой странице.

– Дональд Шимода?

– К вашим услугам, – сказал он. – Теперь ты знаешь, и не ломай больше голову на эту тему. А теперь спи.

Но я долгое время думал об этом, прежде чем заснуть.

* * *

– Разве так можно... я и не думал... Мессия... У тебя такая работа – да ведь от тебя ожидают, что ты спасешь мир, или как? Я и не знал, что Мессия может вот так запросто сдать ключи и смыться.

Я сидел верхом на капоте *Флита* и рассматривал своего странного приятеля.

– Дон, брось-ка мне, пожалуйста, ключ 9 на 16.

Он поискал в ящике и бросил мне гаечный ключ. Как и все прочие инструменты в то утро, ключ, который он мне бросил, замедлил свой полет и остановился в воздухе, плавая в невесомости и лениво вращаясь. Однако стоило мне коснуться его, он тяжело опустился мне в ладонь, обычный

хромованадиевый авиационный гаечный ключ, хотя и не совсем обычный. С тех пор как у меня в руках сломался ключ 7 на 8, я купил самые лучшие инструменты, какие только смог найти... Этот вот был как раз первоклассный, а это, как знает каждый механик, не слишком-то обычный гаечный ключ. Он мог бы быть сделан из золота, судя по цене, но какое удовольствие держать его в руке и знать, что он ни за что не сломается, что бы с ним ни вытворяли.

– Конечно, ты можешь смыться. Бросить все, что хочешь, если передумал. Ты можешь перестать дышать, если захочешь.

Он пустил в воздух полетать филлиповскую отвертку, просто так, для развлечения.

– Вот так я отказался быть Мессией, и если мои слова звучат так, будто я оправдываюсь, то это, возможно, потому, что я и на самом деле все еще чуть-чуть оправдываюсь. Лучше уж так, чем продолжать работу и ненавидеть ее. Хороший Мессия не испытывает чувства ненависти и свободен идти любой дорогой, по которой он хочет идти. Конечно, это справедливо для любого. Мы все сыновья Бога, или дети Сущего, или идеи Разума, или еще чего-то, называй, как хочешь.

Я трудился, затягивая гайки в основании цилиндра на моторе «Кинер». Хороший двигатель – старенький В-5, но через каких-нибудь сто часов лёта гайки так и норовят разболтаться, поэтому лучше уж не доводить их до этого и подтянуть заранее. Как и следовало ожидать, первая же, которую

я попробовал ключом, была завернута на четверть оборота слабее, чем следует, и я порадовался своей предусмотрительности, решив заняться ими в это утро... до того, как появятся первые пассажиры.

– Может, ты и прав, Дон, но мне кажется, что мессианство отличается от других работ. А то, знаешь, Иисус, Который бы все бросил и зарабатывал на жизнь тем, что заколачивал гвозди... Может быть, это только звучит странно.

Он задумался, пытаясь понять мою точку зрения.

– Я не понимаю, что ты этим хочешь сказать. Странно в этом как раз именно то, что Он не бросил все, когда они впервые стали называть Его Спасителем. Вместо того чтобы удрать при этой скверной новости, Он попробовал рассуждать логически: «Ладно, я – Сын Божий, но мы все такие! Я – Спаситель, но и вы все тоже! Работу, которую я выполняю, – можете делать и вы!» Любой человек в здравом уме это понимает.

Наверху на капоте было жарко, но мне вовсе не казалось, что я занимаюсь каким-то тяжелым трудом. Чем больше мне хотелось что-то делать, тем меньше это называлось *работой*. Скорее удовольствием – ведь теперь цилиндры уж точно не отвалятся от двигателя.

– Ну скажи, что тебе нужен еще ключ.

– Мне не нужно никакого ключа, и я оказался настолько духовно продвинутым, что смотрю на эти твои трюки, Шимода, просто как на игры умеренно развитой души. Или,

быть может, начинающего гипнотизера.

– Гипнотизера! Парень, ты все же мог бы и поточнее! Но уж лучше гипнотизер, чем Мессия. Что за глупая работа! И как это я не подумал, что она будет такой нудной.

– Ты знал, – сказал я мудро.

Он просто рассмеялся.

– Ты когда-нибудь думал, Дон, что после всего смыться будет не так уж и просто? Думаешь, ты сможешь теперь жить жизнью простого человеческого существа?

Теперь он не смеялся.

– Ты, конечно, прав, – сказал он и взъерошил свои черные волосы. – Стоит мне задержаться в каком-нибудь месте чуть подольше, на день-другой, и уже люди знают, что я представляю собой нечто странное. Погладишь меня по рукаву – исцелишься от конечной стадии рака, – и неделя не пройдет, как я снова посреди толпы. Этот самолет дает мне возможность передвигаться, и никто не знает, откуда я пришел и куда направлюсь дальше. Это меня вполне устраивает.

– Тебя ждут крутые времена, круче, чем ты думаешь, Дон.

– Да ну?

– Да, в наше время все идет от материального к духовному... Хоть и медленно, но все же этого движения не остановить... Думаю, мир не оставит тебя в покое.

– Это не я им нужен, им нужны чудеса! А это я могу передать кому-нибудь еще – пусть он и будет Мессией. Я не скажу ему, что это нудная работа. К тому же: *«Нет настолько*

большой проблемы, чтобы от нее нельзя было убежать».

Я соскользнул с капота на траву и стал подтягивать гайки на третьем и четвертом цилиндрах. Они не все разболтались, но некоторые следовало повернуть.

– Ты что, цитируешь изречения знаменитого Песика Снупи, Дон?

– Я буду цитировать истину отовсюду, где бы ни находил ее, благодарю вас.

– Ты не можешь сбежать от этой проблемы, Дон. А что, если я начну поклоняться тебе прямо сейчас? Что, если я устану возиться со своим мотором и начну умолять, чтобы ты починил его за меня? Послушай: я отдам тебе каждый дайм, который я заработаю до заката, все до последнего цента, если только ты научишь меня парить в воздухе! Если же ты этого не сделаешь, тогда я буду знать, что обязан молиться Тебе, Святому, Посланному Облегчить Мою Ношу!

Он только улыбнулся в ответ. Я до сих пор думаю, что он заблуждался насчет своей способности сбежать. Как мог я знать то, чего не знал он сам?

– У тебя был весь этот спектакль, который мы видим в фильмах об Индии? Толпы на улицах, миллионы рук, касающихся тебя, цветы и фимиам, золотые платформы, увешанные серебристыми гобеленами, где бы ты мог стоять и говорить?

– Нет. Еще до того, как я попросил эту работу, я знал, что не смогу этого вынести. Вот я и выбрал Соединенные Штаты

и получил только толпы.

Ему было мучительно вспоминать об этом, и я пожалел, что затеял этот разговор.

Он сидел в траве и продолжал говорить, глядя сквозь меня.

– Я хотел сказать: Бога ради, если вы хотите свободы и радости, неужели вы не видите, что этого нет нигде вне нас? Скажите себе, что это у вас есть, – и это у вас будет! Действуйте так, как будто она ваша, и она будет вашей! Ричард, что же здесь такого непонятного? Но они даже не слышали, большинство из них. Чудеса – это все равно что ходить на автогонки, желая увидеть аварии. Так они ходили на меня, чтобы увидеть чудеса. Сначала ты просто не находишь себе места от бессилия, а через какое-то время все это становится просто скучным. Я понятия не имею, как другие мессии могут выносить такое.

– Когда ты так это показываешь, это дело теряет некоторую долю очарования, – сказал я. Подтянув последнюю гайку, я убрал инструменты. – Куда мы сегодня отправимся?

Он подошел к моей кабине и, вместо того чтобы стереть насекомых с ветрового стекла, провел над ним рукой – и раздавленные маленькие создания ожили и улетели прочь. Его собственное ветровое стекло, конечно, никогда не нуждалось в чистке, и теперь я знал, что его мотор тоже никогда не потребует никаких забот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.